

**КАБИНЕТНЫЙ  
ДЕТЕКТИВ**



Ирина Градова

*Вакцина*  
**СМЕРТИ**



Москва  
2021

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Г75

Дизайн обложки *Д. Сазонова*

Редактор серии *А. Антонова*

**ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!**

**МЫ В СОЦСЕТЯХ:**

[www.eksmo.ru](http://www.eksmo.ru)

 [vmirefiction](#)

 [read\\_action](#)

### **Градова, Ирина.**

Г75      Вакцина смерти : [роман] / Ирина Градова. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Кабинетный детектив).

ISBN 978-5-04-119252-5

В больнице, где работает врач Агния Смольская, творится что-то странное. За последние две недели в ней умерло больше двух десятков человек от казалось бы безобидного ОРЗ. Есть подозрения, что это новый штамм гриппа, на который не действуют обычные препараты и антибиотики. Инфекция постепенно просачивается и в другие лечебные учреждения города, но Агния понимает — первопричина все же находится в ее больнице. Нельзя допустить распространения эпидемии! Отделу медицинских расследований поручают разобраться в причинах появления вируса и найти тех, кому выгодны смерти ни в чем не повинных больных. Выясняется, болезнетворных вирусов на самом деле два, и один из них выведен искусственным путем. Теперь Агния напрямую заинтересована в открытии вакцины, так как сама оказывается на больничной койке со смертельными симптомами...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-119252-5

Пандемия (*от греч. pandemia* весь народ) — эпидемия, охватывающая значительную часть населения, страны, группы стран, континента.

## Пролог

Дети в Доме выросли рано. Еще раньше они приходили к пониманию того, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Никто — ни директор, ни воспитатели или нянечки — не заинтересован в том, чтобы в этом помогать, а значит, нужно заботиться о себе самостоятельно. Обмануть, украсть, отнять кусок у более слабого не считалось преступлением — нечего щелкать клювом, когда вокруг полно желающих.

О «красивой жизни» дети знали не понаслышке: она порой навевалась и в их Дом в облике хорошо одетых мужчин и женщин, называемых мудреным словом «спонсоры». Спонсоры приносили в Дом игрушки, телевизоры и одежду. Облаченные в новенькие курточки и пальтишки, под мышкой с разноцветными зайчиками и мишками, дети прохаживались перед умиленными взглядами дарителей, улыбались и благодарили, как их учили воспитатели. К вечеру, с уходом гостей, самые большие и дорогие игрушки распределялись между работниками Дома, как и импортная одежда, а телевизоры перекочевывали в кабинет директора, завуча, врача и на стойку охранника. Конечно, там ведь они нужнее, чем в игровой комнате, в конце концов, что дети понимают в телевидении? Правда, семейные воспитательницы и работники

кухни, все же порой испытывая угрызения совести, приносили из дома поношенные детские вещи взамен подаренных новых. Так что, в сущности, жаловаться было не на что: голым и босым никто не оставался. Однако от того, насколько ты мил с теми, в чьих руках находится твоя жизнь, зависело и то, насколько хорошую вещь тебе отдадут с барского плеча.

Другим путем к «красивой жизни» являлось, конечно же, усыновление. На это могли реально рассчитывать процентов десять детей, а остальным оставалось лишь завидовать. Особой популярностью пользовались светловолосые и голубоглазые. Ребятишки черненькие, да еще и, не приведи господь, со смуглой кожей, редко становились желанными для потенциальных усыновителей. Именно им предстояло проторчать в казенном учреждении до совершеннолетия, даже не успев совершить ничего, за что приговаривают к столь длительному сроку.

У Саньки были очень светлые волосы, но слегка раскосые глаза цвета темного ореха ставили усыновителей в тупик. Внешность мальчика русской не назовешь, поэтому Саньку хоть и частенько рассматривали в качестве потенциального сына, но потом останавливались на детях, чьи черты лица не вызывали сомнений. Саня рано усвоил, что попадание в семью ему не грозит, а потому пользовался всякой возможностью для того, чтобы облегчить себе существование в Доме. Учился он отлично. Предметы парню давались легко, кроме того, они были единственным стоящим занятием, отвлекающим от скуки и невеселых мыслей о собственном будущем. Как правило, дети не интересуются столь фундаментальными вещами, живя днем се-

годняшним, но Саня рано повзрослел. На его глазах старшие ребята покидали Дом и отправлялись восвояси. Через некоторое время он, подслушивая разговоры воспитателей, улавливал слова «сгинул», «пропал», «не оправдал ожиданий». Для него это означало только одно: за пределами Дома, похоже, жизни нет — все, кто выходит за дверь, исчезают навсегда. Дорога для детей из дома обычно лежала в ремесленное училище. Там их обучали малярно-штукатурному делу, укладке кафеля и монтажным работам. Учиться дети из Дома не любили. Всю жизнь их худо-бедно обеспечивало государство: оно давало хлеб, позволяло прослушать школьную программу, лечило и воспитывало по мере скромных возможностей. Оказавшись «на воле», с тремястами тысяч на книжке и комнатой в коммуналке или квартирой на два, а то и три человека, ребята «отрывались» по полной, прогуливая занятия. Первым делом они покупали себе всякой ерунды — от смартфонов до гигантских телевизоров, шатались по ночным клубам и дискотекам, пили пиво — короче говоря, занимались всем тем, что не дозволялось в Доме. А потом они вдруг с удивлением обнаруживали, что деньги закончились. Примерно пятерым из ста выпускников Дома удавалось устроиться на работу и наладить свою жизнь. Остальные попадали в колонии и тюрьмы, теряли жилье и оказывались на улице, спивались, нищенствовали и в конечном итоге навсегда исчезали из поля зрения работников Дома. Их никто не искал.

Уже в семь лет Саня знал, что не хочет в ремесленное училище. Он наблюдал за окружающими, словно все они являлись диковинными животными, чье поведение невозможно предсказать или объяснить, а потому интересно анализировать. Он

уже не волновался во время визитов возможных усыновителей, однако был не прочь подсобить приятелям. Именно Саня изобрел практически беспроектный вариант «пристроиться». Для этого приходилось подкараулить понравившуюся пару и, вынырнув из укрытия, броситься к ним и назвать приходящих тетя и дядя «мамой» и «папой» — обычно этот прием срабатывал «на ура». Глаза гостей вмиг наполнялись слезами, и они так и норовили схватить находчивого ребенка и сжать его в объятиях. Таким образом, усыновление становилось лишь делом времени. В награду за услуги Саня принимал все — от еды и конфет до книжки, перепавшей от спонсоров. Книжки пользовались его особым уважением. Саня рано понял, что из них можно узнать гораздо больше, чем от воспитателей и преподавателей, которым недосуг заниматься развитием детей. Воспитатели считали Саню странным ребенком, но не могли не признавать его одаренности. Другие дети поначалу пытались задрать мальчишку, но Саня быстро показал зубы: он не отличался особой силой, но в нем было море злости, готовой выплеснуться наружу при первой возможности. Кроме того, он не боялся боли и мог драться до тех пор, пока противник не поймет всю тщетность своих попыток заставить Саню признать поражение. Ему понадобилась всего парочка серьезных стычек со сверстниками, чтобы утвердить свое место в иерархии жителей Дома: лидером он не стал, зато его оставили в покое и по крайней мере относились с уважением, считая, что такого «психа» лучше лишний раз не трогать.

Единственным человеком, к которому Саня испытывал привязанность, стала нянечка. Ей уже перевалило за восемьдесят, и все в Доме называли ее



«баба Маруся». Саня почему-то приглянулся ей с первого взгляда.

— И что им надо, этим горе-родителям? — бывало, вопрошала баба Маруся, ероша густые волосы на затылке Сани (такую фамильярность он позволял только ей, любой другой схлопотал бы в лучшем случае злобный взгляд, а то и вполне ощутимый удар). — Такой красивый ребенок... И какая же мать могла так с тобой поступить, а?

Он никогда не думал о своей матери. Вернее, старался не думать, но мысли так и лезли непроизвольно, особенно по ночам, когда голова свободна от решения насущных проблем. Саня не то чтобы мечтал познакомиться с женщиной, бросившей его, но ему хотелось бы знать, кто она, как выглядит и почему не оставила его в роддоме, а выбросила на помойку, прямо в Новый год, когда все население страны веселилось и праздновало. Однако гораздо больше он хотел бы встретиться с другой женщиной — той, что нашла грудничка, окоченевшего до такой степени, что он не мог даже плакать.

Они с бабой Марусей много разговаривали — обо всем на свете и ни о чем. Старушка была не особо образованной, зато у нее имелся огромный жизненный опыт и нерастраченные нежность и доброта.

— Нет у меня внуков, поди ж ты! — сокрушалась она в минуты откровенности, сидя рядом с Саней на лавочке в парке при Доме.

— А возьми меня к себе, баба Маруся! — сказал как-то Саня. На самом деле он вовсе на это не рассчитывал, но нянечка, кажется, восприняла его реплику серьезно.

— Да кто ж мне тебя отдаст — старухе из ком-

муналки с двумя инфарктами? — развела она руками.

— А что такое инфаркт, баба Маруся?

Очень скоро Саня узнал ответ на этот вопрос — баба Маруся умерла. Умерла прямо на его глазах, неожиданно повалившись на пол, все еще держа в руках мокрую тряпку, которую как раз собиралась намотать на швабру. Местный доктор, за которым Саня немедленно бросился в медкабинет, пощупал пульс бабы Маруси и, тяжело поднявшись с колен, вздохнул:

— Инфаркт!

Саня не плакал — просто не знал, как это делается, но почему-то старшая воспитательница положила руки ему на плечи и тихо сказала:

— Она была старенькая, Саша... Очень старенькая!

Но Саня точно знал: это он виноват в смерти бабы Маруси. Если бы он знал, что делать в таких случаях, она бы еще пожила, а он не остался бы совсем один.

\* \* \*

### Луисвилль, штат Кентукки

Николас уже в десятый раз проверял, хорошо ли заперта дверь, и еще плотнее задергивал занавески на окнах, словно боясь, что каждый луч света, проникающий в комнату, может оказаться смертоносным — таким же смертоносным, как и содержимое обитого тонколистовой сталью пластикового чемоданчика, сейчас безопасно лежащего на кровати. Николас работал с содержимым чемоданчика несколько лет и, казалось бы, знал его вдоль и

поперек, но теперь он вынужден был признаться, хотя бы самому себе, что боится. Боится, словно то, что спрятано внутри, может неожиданно вскрыть замок и выбраться наружу. От одной мысли об этом его затошнило. Тогда зачем он здесь — разве не затем, чтобы осуществить чью-то ненормальную мечту? Нет, нет, конечно же, нет! Он здесь лишь затем, чтобы получить деньги — те, что положены ему за многолетние труды. Именно он, Николас, заслужил вознаграждение, как никто другой, — настоящее вознаграждение, а не те крохи, которые ему платят. И он получит, что причитается, и наконец сможет позволить себе все то, о чем так долго мечтал. Ради этого он работал, жертвовал личной жизнью и свободным временем.

Осторожный стук прервал его размышления. Николас нервно бросил взгляд на часы: еще слишком рано для появления посредника!

— Кто там? — опасливо поинтересовался он, приближаясь к двери.

— Уборка номеров! — раздался бодрый женский голос. — Можно у вас прибраться?

— В такое время? — удивился Николас. Действительно, чего это горничной вздумалось припестреться в девятом часу вечера?

— Сэр, у нас проблемы с персоналом! — снова заговорила горничная. — Нас всего двое, еле успеваем хоть что-то делать. Так вы впустите меня или я пойду дальше? Только учтите, что до завтрашнего вечера к вам никто не придет...

Николас окинул мрачным взглядом бедненькую обстановку номера. Вот уже несколько дней он безвылазно сидит здесь, боясь высунуть нос на улицу — возможно, его уже ищут! Полотенца и белье не меняли трое суток, туалетная бумага за-

канчивалась, а за окном стояла удушающая жара. Пыль, собравшаяся по углам, заставляла Николаса чихать — у него была аллергия, и еще один день без уборки вполне мог вызвать приступ астмы.

— Ладно, — вздохнул он. — Заходите, только быстро!

Скрип старой двери и тихий звук выстрела слились воедино. Последним, что увидел Николай перед смертью, было милое женское личико, обрамленное рыжими кудряшками.

\* \* \*

Украина. Местность, расположенная по нижнему течению Днепра

— Просто невероятно! — уже, наверное, в сто первый раз воскликнул Никанор Иванович Старостин, благоговейно рассматривая старинный, покрытый слоем глины и застарелой копоти золотой сосуд с удлинненным горлышком. На его лице читалось восхищение удивительным искусством людей, чьи кости сгнили сотни лет назад. Студенты окружили Старостина, ловя каждое его слово. Он был для них не только преподавателем, он являлся богом, который нес свет знаний. Профессор рассказывал им о скифских курганах, они избороздили раскопами берега реки — одному создателю известно, чего ему стоило каждый раз добиться разрешения на экспедицию! И вот наконец они нашли ЭТО.

— Старик Геродот был прав! — продолжал Старостин, не замечая взглядов студентов, устремленных на него. — Кладбище скифских царей, по Геродоту, находилось в местности Геррос, в районе днепровских порогов, как раз под Никоподем.

— То есть — здесь! — пискнула Розочка Конева. Все знали, что она насмерть влюблена в Старостина — впрочем, как и половина женской составляющей группы. Старостин являлся именно таким человеком, которому женщины не находят возможным противостоять: привлекательным, увлеченным, даже, пожалуй, одержимым.

— Это, друзья мои, не просто могила, — продолжал вещать Старостин. — Это могила царя!

— Несомненно! — поддержал преподавателя Арсений Зайцев. Он относился к типу «ботаников» в отличие от профессора и вряд ли выделялся хоть чем-то, кроме исключительной работоспособности. — Судя по количеству скелетов, что мы нашли...

— Да-да, — закивал Старостин: после трех лет совместной работы он научился понимать своих студентов без слов. — Вместе с царем обычно хоронили одну из его жен, виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, коней, скот и зарывали золотые сосуды, оружие и амуницию. Если мы правы, то этот курган относится к периоду наибольшего экономического и политического могущества скифов, то есть к... третьему веку до нашей эры.

— Уверена, что наша находка не хуже, чем Гайманова могила<sup>1</sup>!

— Нужно расставить здесь охрану, — словно разговаривая сам с собой, пробормотал Старостин. — Все это золото...

Погребальное сооружение, обнаруженное археологической экспедицией, состояло из глубо-

---

<sup>1</sup> Гайманова могила — скифский царский курган IV века до н. э. у села Балки Васильевского района Запорожской области Украины.

кого колодца, служившего входом, и коридора с подземными нишами — камерами для покойников. Находящиеся там массивные золотые гривны, шейные обручи, бусы, золотые серьги и браслеты и в самом деле представляли собой огромную ценность, как и обшитые золотыми бляшками одежда, головной убор и погребальные покровы.

— А где Люда? — вдруг поинтересовался Старостин, вертя головой. Люда Самолова, самая красивая девушка в группе, да и на всем археологическом факультете, была личностью яркой, и профессор наконец заметил ее отсутствие — к страшной досаде Розочки.

— Она приболела, — ответила Марина, дружившая с Людмилой и делившая с ней одну палатку. — Наверное, простыла.

— Что ж, очень жаль: она одной из первых вошла в курган, но тогда там почти не на что было смотреть, а теперь... Ладно, давайте работать: время не ждет!

\* \* \*

С тех пор, как я вернулась из длительной командировки на борту корабля-госпиталя под названием «Панацея»<sup>1</sup>, у нас с Шиловым как будто начался второй медовый месяц. Кстати, первый так и не состоялся. Мы оба работали, он — заведующим отделением ортопедии и травматологии, я — анестезиологом в той же больнице, и не смогли уйти в отпуск одновременно. Я чувствовала себя виноватой перед мужем. Во-первых, я оставила его

---

<sup>1</sup> Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Прощальный вояж «Панацеи».

одного почти на три месяца. Конечно, Шилов у меня мужик самостоятельный и прекрасно может себя обслуживать, но семейная жизнь, что ни говори, есть семейная жизнь, а я оказалась вырванной из нее на долгий срок. Но терзало меня вовсе не это, а то, чего я ни за что и никогда не могла рассказать Олегу. Находясь на борту «Панацеи», среди незнакомых людей, во время серьезного политического конфликта на Африканском континенте, я чувствовала себя настолько одинокой и незащищенной, что имела неосторожность изменить мужу. Это я-то, верная жена, примерная мать! Ни я, ни тот мужчина не придавали значения минутной слабости, однако чем дальше, тем больше беспокойная совесть грызла меня изнутри, лишая покоя и сна. Ночами, лежа рядом со спящим Шиловым, я ворочалась, стараясь не потревожить его, и размышляла. Мама просто не поняла бы меня, и даже лучшая подруга Лариска наверняка осудила бы мой опрометчивый поступок. Может, я вообще не создана для семейной жизни? Восемнадцать лет я прожила замужем за Славкой, первым благоверным, который бросил меня, повесив собственный огромный долг, и скрылся в неизвестном направлении почти на два года<sup>1</sup>. Как раз тогда на горизонте «нарисовался» Шилов, идеальный мужчина из девичьих грез. Непьющий, некурящий умница, слушающий индийские раги и занимающийся йогой, он пленил меня тем, что рядом с ним я могла перестать корчить из себя «сильную женщину» и стать просто женщиной, слабой и капризной. Тем не менее я не могу не думать о том, что порой

---

<sup>1</sup> Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Окончательный диагноз».